

Александра Горяшко

Возрождение живого

Являясь подлинным искусством, а не ремеслом простого лишь набивания чучел, таксидермические работы требуют целого ряда качеств или свойств: интереса и любви к природе, наблюдательности; художественного дарования, способности улавливания изяществ и своеобразия животных обликов, линий, контуров; технической сноровки при работе с самыми разными материалами; отсутствия брезгливости; исключительного терпения; абсолютной добросовестности — чучело белки можно сделать в 2 часа и в 10 часов, но первое станет достоянием моли и кожедодов в течение ближайших месяцев, а второе переживет столетие

А.Ф.Котс

Таксидермии (от греческих *taxis* — приготовление, обработка и *derma* — кожа, шкура) — профессии, которой посвящены столь проникновенные строки, в нашей стране официально не существует. Ни одно учебное заведение России не выпускает таксидермистов, мастерство это передается из рук в руки. Нет даже единой точки зрения на то, что же это такое — грубое ремесленничество или высокое искусство. Людей, занимающихся изготовлением чучел, крайне мало, а настоящих мастеров — считанные единицы.

Однако совершенно очевидно, что профессия эта не только существует, но и ведет свое начало с древнейших времен, ведь первые приемы обработки звериных шкур осваивали еще первобытные люди. Элементы таксидермии наверняка использовали шаманы и колдуны, раз уж непременно атрибутом ритуалов были звериные головы, хвосты и лапы. Древние египтяне изготавливали чучела домашних животных, чтобы те отправлялись в загробный мир вместе с хозяином. В залах средневековых замков висели головы убитых на охоте животных.

Великие мастера прошлого

Достоверная история отечественной таксидермической школы начинается с имени Ф.К.Лоренца. Федор Карлович Лоренц (1842–1909) был человеком выдающимся во многих отношениях. Его формальное образование ограничивалось тремя классами — он окончил ремесленное училище. Однако этот человек стал крупным зоологом, автором научных монографий и многочисленных статей, посвященных птицам, членом трех Императорских научных обществ. Именно он впервые описал степного тертера, северокавказского, талышского и туркестанского фазанов.

Хорошо известный в профессиональных кругах как тонкий наблюдательный орнитолог, знаток куриных, гораздо

более широкую известность Лоренц получил как таксидермист. «Возможно, что знакомству с первыми элементарными приемами в набивке чучел Лоренц был обязан указаниям какого-нибудь любителя. Но, принимая во внимание, что среди профессиональных препараторов Федор Карлович... не имел себе равных даже за границей, приходится признать, что совершенством, которого он достиг в препараторском искусстве, Лоренц обязан был всецело самому себе — редкому сочетанию врожденной наблюдательности и художе-

Фото А. В. Алтухова

Заяц-русак. Экспозиция Зоомузея МГУ.
Работа Ф.К.Лоренца

Две харзы нападают на козую.
Экспозиция Зоомузея МГУ.
Работа Н.К.Назьмова

Фото А. В. Алтухова

Фото М. В. Калякина

Изготовление чучела индийского слона в ангаре, представляющем собой таксидермическую мастерскую Парижского музея естественной истории

*Экспедиционные сборы
птиц Вьетнама —
материал для работы
таксидермистов
Зоо музея МГУ*

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ НАУКИ

только научной, но и зрелищной, а потому для будущего музея он не просто собирал зоологические коллекции, но и искал лучших мастеров для обработки экспонатов. «Решающим моментом для создания Дарвиновского музея было само наличие в Москве талантливых таксидермистов и художников», — писал Котс.

Имена талантливых художников-анималистов, работавших с Котсом, широко известны. Это В.А.Ватагин, К.Х.Флеров, А.Н.Комаров, Н.Н.Кондаков, В.Я.Трофимов. А кто же были те талантливые таксидермисты, о которых пишет создатель музея? «Без Лоренца и его фирмы не было бы самого талантливого его ученика, неизмеримо превосшедшего его по мастерству, — Филиппа Евтихевича Федулова, создателя громадного большинства всех препаратов Дарвиновского музея. Если бы не было Федулова — не было бы и музея», — отмечал Котс.

В семье Федуловых было шестеро детей. Двое старших сыновей занялись скорняжным делом, и профессия привела их в мастерскую Лоренца. Приобщившись к препараторскому искусству, они потянули за собой остальных. Так в Москве возникло «Федуловское племя» талантливых таксидермистов, усердием и дарованием которых были созданы сотни замечательных экспонатов для биологических музеев России. Самым талантливым из них был Филипп, ставший, по выражению Котса, «подлинным Себастьяном Бахом в этой области».

В 1914 году вместе с Филиппом Евтихевичем в музей начал работать его племянник Дмитрий Яковлевич Федулов, также ученик мастерской Лоренца. Проработав в музее более полувека, он создал множество чучел самых различных животных, но особо прославился в области «филигранной» таксидермии, овладев искусством изготовления чучел самых миниатюрных птиц — колибри.

Как они это делали

Работа таксидермиста, если не считать задачи увековечения охотничьих трофеев, используется практически только в биологии. И здесь есть две сферы. Первая — изготовление различных препаратов для учебной работы. Их тре-

ственного дарования», — писал о нем основатель Государственного Дарвиновского музея профессор А.Ф.Котс.

Начав с попыток сохранить свои охотничьи трофеи, Лоренц вскоре основал коммерческую таксидермическую мастерскую, которая стала лучшей в России и приобрела всемирную известность. Продукция фирмы Лоренца — это множество чучел глухарей, куропаток, хищных птиц, белок, зайцев и медведей, которые пополняли биологические музеи России и украшали частные коллекции. Некоторые из этих работ до сих пор можно увидеть в Дарвиновском музее и Зоологическом музее МГУ.

Однако успех Лоренца-таксидермиста был бы невозможен, если бы не было Лоренца-натуралиста. Его пример убедительнее любых рассуждений доказывает, как обогащают друг друга зоология и таксидермия. Научные экскурсии, постоянное внимательное изучение птиц в природе давало Лоренцу-таксидермисту знания, совершенно необходимые для того, чтобы чучело выглядело «живым». С другой стороны, таксидермические занятия предоставляли массу интересных возможностей Лоренцу-ученому, и он не преминул ими воспользоваться.

Одна из самых интересных научных работ Лоренца — «О выродах тетерева»

*Токующий самец дрофы.
Экспозиция Зоо музея МГУ.
Работа Ф.К.Лоренца*

Фото Д.Л.Иванова

во», изданная в виде атласа в 1910 году, — стала возможной только благодаря таксидермической деятельности автора. В течение многих лет из сотен тысяч тетеревиных птиц, попадавших в его мастерскую и на рынки Москвы, Лоренц отбирал экземпляры с различными отклонениями в морфологии (выродков), а также птиц, представлявших собой помеси разных видов (ублюдков). Из отобранных птиц изготавливали чучела, которые затем фотографировали, а снимки раскрашивали. Так был создан уникальный атлас.

Тетерева Лоренца послужили материалом для эволюционных исследований А.С. и Г.С.Раутианов, изучавших действие стабилизирующего отбора. Да и вообще, сборы Лоренца не раз служили науке. «Все представлявшее научный интерес им предлагалось прежде всего Московскому университету, московским зоологам, отчасти Зоологическому музею Академии наук... Равным образом Ф.К. с удивительной готовностью работал на провинциальные естественно-исторические музеи» — писал академик М.А.Мензбир, патриарх отечественной орнитологии.

Еще одна великая заслуга Лоренца — это его ученики. К их числу можно отнести основателя Государственного Дарвиновского музея, доктора биологических наук, профессора Александра Федоровича Котса, который и сам был талантливым таксидермистом. Начав заниматься препараторским искусством в двенадцать лет, к окончанию гимназии А.Ф.Котс уже вполне овладел мастерством таксидермиста, о чем свидетельствуют полученные им награды — Малая серебряная (1896) и Большая серебряная (1899) медали от Императорского Русского общества акклиматизации животных и растений за представленные на выставках чучела птиц собственного изготовления.

Позже он познакомился с Ф.К.Лоренцом; их знакомство и дружба сыграли большую роль в создании уникального музея. По замыслу А.Ф.Котса, музейная экспозиция должна была стать не

Фото А. Михалева

*Занятия кружка препараторов
ведет его руководитель
Владимир Николаевич Поном*

буется достаточно много, но повышенных художественных требований к ним обычно не предъявляют. Вторая — изготовление музейных экспонатов. Их, естественно, нужно меньше, но требования к ним очень высоки. Еще по замыслу А. Ф. Котса, чучела животных должны были оформляться как художественные произведения, и решающая роль в этом всегда оставалась за таксидермией. От качества чучел, от того, насколько точно и правдиво отражают они объективную реальность, в значительной степени зависит не только эстетическое, но и педагогическое воздействие экспозиции. Неудивительно, что хорошие таксидермисты в музеях — на вес золота.

Котс писал: «Пусть для памяти миллионов будущих восторженных и благодарных посетителей музея, созерцающих итоги почти полувековой работы... орденоснца-препаратора Ф. Е. Федулова, останутся сокрытыми усилия и жертвы, что стояли некогда за этим служением родной культуре и родной стране». Однако наша задача состоит как раз в том, чтобы узнать об «усилиях», и хорошо, что сам же Котс весьма помог в этом, оставив «перечень работ, единолично выполняемых Ф. Федуловым в его мастерской:

*Волк.
Экспозиция Зоомузея МГУ.
Работа Ф. К. Лоренца*

Фото А. В. Алтухова

1. Препараторские — съемка шкур с животных.

2. Сырейные — кваска и дубление шкур.

3. Кузнечные — сооружение металлических станков для крупных чучел.

4. Столярно-плотничные — изготовление деревянных манекенов для крупных чучел.

5. Резные по кости и дереву — изготовление искусственных звериных черепов и зубов к ним.

6. Скорняжно-прошивные — сшивание звериных шкур.

7. Малярно-москательные — изготовление мастик и лаков, варка растворов мышьяка для протравки экспонатов.

8. Лепные и муляжные — реконструирование мягких тканей на звериных черепахах или конечностях при имитации природной мускулатуры.

9. Собственно таксидермические — набивка чучел.

10. Декоративные — отделка постаментов и подставок для чучел».

Федуловы работали старым традиционным методом накрутки. Метод этот включает в себя несколько этапов. Сначала сооружают каркас из проволоки и костей скелета; потом из стружки, соломы или пакли изготавливают манекен по каркасу туловища, конечностей и головы; после чего на манекен натягивают шкуру и зашивают ее. А чтобы хоть в малой степени представить себе грандиозность такого труда, не поленитесь сходить в Дарвиновский музей и посмотреть на изготовленные Федуловыми чучела слонов (африканского и индийского).

Таксидермия — профессия весьма консервативная. Со времен Федулова и Котса в ней изменилось немного. Ученый секретарь Зоомузея МГУ М. Калякин рассказывает, как наблюдал за изготовлением чучела слона в Парижском музее уже в наше время: «Весь слон был покрыт тысячами булабочек, которыми делали все складочки, морщинки кожи, пока она мягкая». Таксидермисту по-прежнему необходимо хорошее знание анатомии, биологии и экологии животных, владение методами скульптурной лепки и формовки, точное знание физико-химических свойств материалов, используемых в работе, наличие художественного вкуса и чутья. При отсутствии учебных заведений и при том, сколь многих знаний, навыков и талантов требует эта профессия, удивительно, что таксидермисты вообще не перевелись.

Современная таксидермия

И все-таки, несмотря на бесчисленные сложности, таксидермия по-прежнему существует и в некоторых случаях даже процветает, поскольку востребована. Неизменным остается спрос на таксидермистов в музеях, весьма возрос он и у охотников. Будучи талантливым

мастером и специализируясь на изготовлении чучел охотничьих трофеев, сегодня можно неплохо зарабатывать.

При этом современные таксидермисты, как и их предшественники, приходят в профессию самоучкой. Один из самых известных российских специалистов сегодня — Владимир Сухарев — с детства интересовался птицами, наблюдал за их жизнью. «Когда отец приносил с охоты селезней, я любовался их оперением и жалел, что такая красота пропадает. Мне кажется, что именно тогда, когда я оценил красоту животного мира и одновременно увлекся лепкой, во мне и родился будущий таксидермист», — вспоминает он.

Дальше была работа лаборантом в заповеднике, потом — в таксидермическом отделе Зоологического музея в Ленинграде. «Я использовал любую возможность, чтобы чему-то научиться. Что-то мне показывали люди, с которыми я работал, опытные мастера своего дела. Что-то я сам подсматривал, наблюдая за их работой. Исправлял свои ошибки, размышлял над тем, как сделать чучело лучше. Читал, хотя учебников по таксидермии на русском было очень мало. Тонкостям технологического процесса меня никто не учил — до многого мне приходилось доходить самому».

Между тем занятия таксидермией — вовсе не национальная забава отдельных российских самоучек: на Западе это дело поставлено совсем иначе и представляет собой процветающую отрасль бизнеса. В одних только Соединенных Штатах в ней задействовано 70–75 тысяч человек. Там существуют свои профессиональные объединения, издаются журналы, проводятся творческие конкурсы, открыты школы, где обучают специальности.

Хотя технология изготовления чучел принципиально ничем не отличается от российской, живется западному таксидермисту существенно легче. Коммерческие таксидермические мастерские работают на материале, который предоставляют охотники, желающие увековечить свои трофеи. Приносит, скажем, охотник в таксидермическую мастерскую шкуру лисицы и просит изготовить чучело. Все, что от него требуется, — сказать, какую позу должна принять его лисица, или выбрать вариант по каталогу, в котором эти лисицы изображены в самых разных позах.

Мастер тоже не очень утруждает себя, — он просто заказывает нужный манекен из каталога на специальном заводе. Там же, на заводе, изготавливают и все необходимые «аксессуары» — глаза, уши и когти для чучела. Одновременно таксидермист отправляет шкуру лисицы на меховую фабрику для выделки. В результате он получает уже готовый, анатомически безупречный манекен, на который ему остается только посадить профессионально выделанную шкуру.

*Изготовление
чучел рыб
и земноводных —
первые шаги
в искусстве
таксидермии*

*Саша — самая юная
в кружке
зоопрепараторов,
ей 11 лет.
Но чучело кедровки
ей удалось прекрасно*

ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ НАУКИ

Среди зарубежных таксидермистов регулярно проводятся соревнования. Самые крупные и престижные из них — чемпионат Европы, чемпионат США и чемпионат мира. Участники соревнований выставляют свои работы в номинациях от «Новичок» до «Мастер». Требования судей касаются в первую очередь степени сходства чучела с живым образцом. Они оценивают анатомию макета, правильность посадки шкуры, восполнение всех голых участков кожи.

Дело в том, что после выделки шкуры ее голые участки (веки, ноздри, губы и т. п.) высыхают и теряют свой первоначальный «живой» вид или этих деталей вообще не остается. Таксидермист должен их восполнить, то есть восстановить, — причем так, чтобы никто не заметил подмены. Умение восполнить голые участки — один из показателей мастерства. Судьи на соревнованиях тщательно осматривают каждый такой участок. Они, как отоларингологи, осматривают ушную раковину с фонариком, проверяют правильность изготовления третьего века (мигательной перепонки) и даже смотрят, увлажнено ли веко слезой.

Зачем таксидермия детям

Некоторые явления существуют в этом мире совершенно незаметно, не привлекая внимания большинства. Такова таксидермия. Больше двадцати лет назад я ходила в кружок зоопрепараторов во Дворце пионеров на Ленинских горах. Таксидермист и зоопрепаратор — одно и то же, просто кружок назвали словом, более понятным детям.

Таксидермистом я не стала, но и сейчас отлично помню, как сложно было, не повредив, снять шкуру, как трудно было гнуть проволочный каркас, как пахла сырая глина, которой мы обмазывали изнутри шкурки рыб и земноводных. И как гордилась я своим первым произведением — двумя саламандрами, которыми украсила стену над кроватью к полному ужасу домашних.

Неожиданно оказалось, что кружок зоопрепараторов по-прежнему существует, хотя за прошедшие 20 лет в стране изменилось решительно все.

Во все времена материал для кружка можно было найти прямо на месте. В здании Дворца пионеров на Ленин-

ских горах (ныне Дворец творчества детей и юношества на Воробьевых горах) множество застекленных переходов, и во время полета о них разбивается много птиц. Правда, раньше материал для работы кружковцев покупали еще и у Медучпособия — организации, которая заботилась о том, чтобы у школ и институтов всегда были препараты и прочие материалы для уроков биологии, а теперь вся надежда на охотников, бывших кружковцев.

И все-таки на первый взгляд кружок не изменился ни капли. Прежними остались и запах формалина, и коробки с тушками, и даже столы со стульями. Нынешний руководитель кружка, В.Н.Попов, учился препараторскому искусству у того же А.Л.Кравецкого, который когда-то учил меня. И еще мне показалось, что, как и 20 лет назад, этот кружок, несмотря на свое скромное название, остался одним из самых интересных среди всего многообразия, предлагаемого отделом экологии.

Дело даже не в том, что здесь, кроме классических таксидермических работ (изготовления чучел), учат делать учебные препараты, микропрепараты и энтомологические коллекции. Практические занятия в кружке сочетаются с лекционным курсом по зоологии и систематике, с экспедициями в Крым, на Кавказ, на Ямал, с многолетней работой в Приокско-Террасном заповеднике. Однако самое главное здесь то, что, занимаясь в кружке, можно действительно приблизиться к тайнам природы — больше чем где бы то ни было.

Об этом говорят и сами кружковцы: «Хочется узнать, что внутри, познать саму природу, узнать строение. Учебники — это учебники, а здесь можно потрогать». При любом количестве и качестве современных учебных пособий это «потрогать» оказывается действительно крайне важным. Ведь можно десятки раз прочитать в учебнике, например, о процессе размножения у лягушки и благополучно забыть прочитанное. Но когда ребята своими глазами видят, как выглядит лягушачья икра внутри лягушки, а заодно узнают, как изменяется эта икра, попадая в воду, забыть это уже невозможно. Решая совершенно механическую на первый взгляд задачу по изготовлению проволочного каркаса для лапы тушканчика,

они навсегда запоминают, как удивительно устроена эта лапа с длинной стопой, обеспечивающей тушканчику прыгучесть.

Таксидермию невозможно упростить для детей. Совершенно так же, как и в работе взрослых мастеров, ребятам требуются огромное терпение, внимание и усидчивость, художественные способности и биологические знания. Совершенно так же им необходимы навыки работы самыми разнообразными инструментами — от пинцета, скальпеля, маникюрных ножниц и нитки с иголкой до плоскогубцев и молотка, пилы и дрели. Так же как и работы взрослых мастеров, их произведения пользуются спросом: готовые чучела относят в школьные кабинеты биологии, отдают в другие биологические кружки.

За несколько десятилетий существования этого удивительного кружка через него прошла не одна сотня детей. Из них, по оценке В.Н.Попова, не больше десяти человек могут сделать хорошее чучело, но ведь здесь и не ставят задачу выпускать профессиональных таксидермистов. Гораздо важнее другое: в кружке занимаются ребята, которые по-настоящему любят живое и очень серьезно относятся к будущей профессии. Это те, кто хотят стать биологами, ветеринарами, хирургами, — и большинстве своем они действительно становятся профессионалами в избранной области.

Это конечно же не случайно. Обучаясь таксидермии, ребята оказываются в уникальном положении, в чем-то схожем с положением первых натуралистов. Здесь быстро развеивается иллюзия, будто мир изучен, знаком и скучен. Каждая новая работа, будь то рыба, птица или ящерица, открывает перед ребенком неизведанный мир, порождает множество вопросов, дарит огромное количество знаний, а еще — неизбывное изумление тонкостью устройства и красотой каждого живого существа, желание ее сохранить.

*Цветные фотографии предоставлены
ученым секретарем Зоомузея МГУ
Михаилом Калякиным*